

Была лишь одна деталь. Учительница обществознания с явно недовольным видом сдерживала закипающий гнев и постучала по кафедре:

— Все, хватит разговоров, урок уже начался, тишина в классе! Подготовьте учебники и рабочие листы для предварительной проработки, которые я раздавала позавчера.

Класс постепенно затих. Шум многолюдного рынка сменился тихим шелестом и шорохом: ученики, сидевшие кто как, принялись копошиться в столах и вытряхивать портфели в поисках учебников.

Учительница хмуро произнесла:

— На будущее: готовьте учебники и рабочие листы до звонка.

Она ждала у кафедры, но прошла минута, другая, а ребята все так же рылись в столах и вытряхивали рюкзаки... Прошло еще две минуты, а ученики продолжали копошиться в вещах.

И заодно перешептываться.

Учительница мгновенно вспыхнула. Наставив указку на класс, она строго спросила:

— Вы что, учебник найти не можете? Вы зачем вообще в школу пришли? Почему в вашем классе такая ужасная дисциплина? — Она с туком спустилась с трибуны. — Вы соображаете, сколько времени от урока прошло? Мне что, пол-урока ждать, пока вы книги найдете?

Она окинула взглядом первый ряд: из шести или семи человек двое даже книги не достали, а про рабочие листы и говорить нечего — ни у кого ничего не заполнено.

Учительница с силой со звонким стуком ударила указкой по кафедре:

— Прекратить поиски!

От этого удара кафедра вся задрожала.

— Положите руки на стол и сидите ровно! Никому больше не рыться в вещах!

В классе мгновенно воцарилась тишина.

Учительница пошла от первого ряда к последним, тыча указкой в парты:

— Ты, встань... И ты встань. Ты, и ты, — отстукивая каблуками, она продвигалась дальше. — Ты, ты, ты...

В классе, словно саженцы, поднялись с десятков учеников.

Учительница дошла до предпоследнего ряда.

Парта у задней двери была чище, чем ее умытое лицо. Ни учебника, ни рабочего листа.

Указка со щелчком ткнула в столешницу:

— Цзян Хуай, где твой учебник?

Она никогда не вела уроков у Цзян Хуая, но о его громкой славе была осведомлена отлично.

— Не принес.

— А рабочий лист?

Цзян Хуай молчал. В начале семестра он даже не подумал взять учебники по обществознанию, истории и географии. Что же до рабочих листов, то он вообще забыл, как они выглядят.

— Нету, — сказал он.

Учительница, сгораемая от гнева, велела:

— Цзян Хуай, встань!

Цзян Хуай неторопливо поднялся.

Учительница, отстукивая каблуками, пошла проверять остальных учеников на предпоследнем ряду возле двери.

Оставался еще последний ряд. Всего там было четыре места: два у окна и два у двери. Те два, что у окна, она уже проверила, оставался лишь Бо Цзянь у двери. Но учительница прошла мимо Цзян Хуая и сразу направилась к кафедре.

Бо Цзянь словно не входил в зону проверки.

Такие образцовые ученики, как Бо Цзянь, относились к категории тех, кого не проверяют. Учительница даже не взглянула в его сторону.

Но стоило ей повернуться, как Цзян Хуай косо взглянул назад:

— Учитель, у Бо Цзяня тоже нет учебника и рабочего листа.

Бо Цзянь резко поднял голову.

Цзян Хуай, изогнувшись всем корпусом, внимательно присмотрелся:

— Председатель, это что, домашка по физике?

Бо Цзянь: «...»

Учительница мгновенно остановилась и обернулась. Она медленно вернулась к предпоследнему ряду, выдернула листок, накрытый Бо Цзянем, и взглянула на него.

«Комплексный тест по физике».

Она положила лист обратно. Голос ее звучал спокойно, но выражение лица было жутким:

— Бо Цзянь, встань.

По классу прокатился тихий гул изумления.

Учительница развернулась и пошла прочь, шагая все быстрее и быстрее, точно магма, рвущаяся к жерлу действующего вулкана.

Она взлетела на трибуну и с размаху ударила указкой по кафедре:

— Все, у кого нет учебников, марш в коридор! Будете стоять там и заполнять листы, пока не сделаете — в класс не войдете! Староста, запиши имена, на следующей неделе у каждого лично проверю!

Поднявшиеся ученики с видами глубочайшего горя медленно поплелись к выходу.

Цзян Хуай в конце класса поднял руку:

— Учитель, у меня нет рабочего листа.

— Значит, перепишешь! — рявкнула она.

Цзян Хуай еле заметно вздрогнул и поспешил выйти.

В коридоре оказалось десять человек.

Цзян Хуай прислонился к подоконнику и оглядел присутствующих... Кроме Бо Цзяня, он никого толком не знал.

Постояв и подумав, Цзян Хуай вернулся в класс за писчими принадлежностями.

В коридоре не было ни столов, ни стульев — только два подоконника. Кто-то сгорбился над подоконником, заполняя задания, кто-то писал, прижавшись к стене, а кто-то уселся прямо на пол. Все с мученическим видом листали новенькие учебники по обществознанию, выискивая ответы.

И только Бо Цзянь стоял ровно, ни на что не опираясь. Положив учебник на предплечье, он опустил взгляд и писал на нем, подложив книгу под лист.

Поза выглядела эффектно, но писать в ней было ужасно неудобно.

Цзян Хуай держал чистый лист бумаги в левой руке, а гелевую ручку — в правой. Он не спеша подгреб ближе и первым завязал разговор:

— Председатель, так писать не неудобно?

Бо Цзянь мельком взглянул на него и ничего не сказал.

— Можешь на пол сесть, — предложил Цзян Хуай.

Помолчав, Бо Цзянь скупой уронил:

— Грязно.

Цзян Хуай опустил взгляд на листок в своей руке, потом снова поднял глаза и серьезно посмотрел на Бо Цзяня:

— Председатель, я только что тебя сдал поборником справедливости. Ты не злишься?

Бо Цзянь без особого сочувствия улыбнулся:

— Нет. Ты поступил абсолютно правильно.

— О, — вымолвил Цзян Хуай. — Председатель великодушен, обычным людям до такого далеко.

— Спасибо за похвалу.

— Ну а раз наш председатель так великодушен, — Цзян Хуай сделал паузу, — ты... не мог бы дать свой рабочий лист соседу спереди списать?

Автор хочет сказать:

Цзян Хуай: Я старался подлизаться как мог.

Бо Цзянь взглянул на Цзян Хуая краем глаза и спустя паузу спросил:

— Хочешь списать?

Цзян Хуай скосил глаза на лист, лежавший поверх учебника Бо Цзяня, где тот успел вывести только свое имя:

— Конечно нет. У тебя же у самого ничего не написано. У меня просто нет книги, хотел твой учебник посмотреть. — Вспомнив про пустой листок в руке, где даже имени не было, он добавил: — Ну и рабочий лист заодно.

— О-о, — кивнул Бо Цзянь. — Дать тебе, когда сам допишу?

Цзян Хуай уже хотел было кивнуть и сказать «Давай», как вдруг сообразил, что Бо Цзянь подстроил ему ловушку.

Ждать, пока тот допишет — это же и есть списать! Да и когда Бо Цзянь закончит, черт с два он даст ему списать.

— Не надо, — храня верность своим принципам, ответил Цзян Хуай. — Ты напишешь ответы — это будет меня сбивать. Дай просто учебник и чистый рабочий лист, я сам сделаю.

— О-о, — снова кивнул Бо Цзянь и неторопливо спросил: — Но если я отдам тебе учебник и рабочий лист, с чем буду работать я?

Цзян Хуай на мгновение запнулся:

— Вместе?

Цзян Хуай уселся на пол, прислонившись к стене, и вывел имя на листке, подложив его под колени. Ни грязь на полу, ни пыль на стене его не смущали.

Цзян Хуай размашистыми каракулями переписал с рабочего листа несколько заданий с пропусками. Учебник Бо Цзяня пока оставался у него.

Обычно от только что отпечатанных учебников неприятно пахло типографской краской, но председатель Бо, похоже, надушил свои книги: запаха краски не чувствовалось вовсе, зато исходил легкий и свежий тонкий аромат.

Выискивая повсюду, из чего состоит способ производства материальных благ, Цзян Хуай думал про себя: с чего это Бо Цзянь так любит заниматься всякой глупой мишурой?

Пустая показуха.

Настоящие сильные личности так не поступают.

Однако сильная личность перелистала пахнущий ароматом учебник от первой страницы до последней, но так и не увидела ответа на вопрос, из чего состоит способ производства материальных благ.

Каждое слово в учебнике было ему знакомо, но собранные вместе... Цзян Хуай, честно говоря, так и не понял, о чем его вообще спрашивают.

Цзян Хуай закрыл книгу и снова скосил глаза на стоявшего рядом Бо Цзяня.

Учебник находился у Цзян Хуая, у Бо Цзяня оставался лишь пустой рабочий лист, но ручка в его руке двигалась весьма быстро.

Опершись рукой, Цзян Хуай поднялся с пола.

Он не спеша подошел к Бо Цзяню и заглянул в его рабочий лист... Но не успел найти ответ на первый вопрос, как Бо Цзянь повернул голову и посмотрел на него:

— Ты же вроде не списываешь?

Цзян Хуай: «...»

— Я не списываю, — помешкав, ответил он. — Я просто спросить кое-что хотел.

Уголок губ Бо Цзяня слегка приподнялся:

— Что спросить?

Цзян Хуай, держа совершенно бесполезный учебник, спросил:

— Из чего состоит способ производства материальных благ?

Бо Цзянь усмехнулся:

— Первый вопрос?

Цзян Хуай промолчал.

Взгляд Бо Цзяня скользнул по листку бумаги, который Цзян Хуай держал вместо рабочего листа. Тот был испещрен каракулями, похожими на сорняки, так что разобрать написанное было невозможно. Впрочем, ответа там точно не было.

— Из производительных сил и производственных отношений, — ответил он.

— А. Спасибо.

Цзян Хуай опустил голову и быстро вывел на бумаге еще две кучки «сорняков».

Закончив, он совершенно естественно продолжил:

— Ты что, заранее подготовился?... А каково тогда определение материализма?